

Дискурс и дискурсивные формации

О. Г. Ревзина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Структурные параметры дискурса¹

В настоящее время в лингвистике все более утверждается выдвинутое французским культурологом Мишелем Фуко представление о дискурсе как совокупности всего высказанного и произнесенного². Как справедливо отмечает М. Л. Макаров, «широкое употребление *дискурса* как родовой категории по отношению к понятиям *речь, текст, диалог* сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой»³. В публикации 1999 года автор данной статьи указывал: «Так понятый дискурс и должен, на наш взгляд, стать предметом лингвистики дискурса, в отличие от лингвистики текста, и очевидно, что еще только предстоит определить способы его изучения»⁴.

Дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении. Назначение понятийного аппарата лингвистики дискурса состоит в том, чтобы обеспечить доступ к его структурообразующим параметрам. Назовем некоторые из них.

¹ Данный параграф представляет собой переработанный текст тезисов доклада на 11 Международном конгрессе исследователей русского языка. См.: 11 Международный конгресс исследователей русского языка. РУССКИЙ ЯЗЫК: исторические судьбы и современность. 18-21 марта 2004 года. М., 2004. С. 410 – 411.

² См. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996; Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине. М., 1996.

³ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С.50.

⁴ Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 1999, № 1. С.33.

1. *Производство и потребление дискурса.* Каждый член языкового социума вносит вклад в материальную субстанцию дискурса своим языковым опытом и каждый член языкового социума является потребителем дискурса. Порождением и распознаванием человек обязан важнейшей когнитивной системе – языку. В дискурсе человек участвует как языковая личность. Это понятие находит полноценное применение именно в лингвистике дискурса, поскольку в соотношении с языковой системой оно фактически совпадает с понятиями социо- и идиолекта. Под языковой личностью следует понимать совокупность знаний и умений, которыми располагает человек для участия в дискурсе⁵. Сюда относятся знание возможных ролей в коммуникации, владение первичными и вторичными речевыми жанрами и соответствующими им речевыми тактиками и речевыми стратегиями⁶. Конкретное наполнение этих характеристик является основой естественной типологии языковых личностей.

2. *Коммуникационное обеспечение.* Подобно обитаемому географическому пространству земли, дискурс пронизан «путями сообщения» – каналами коммуникации. Универсальным, но и наиболее уязвимым для сохранения является устный канал, следом за ним, по времени появления в истории цивилизации, идут письмо, радио, телевидение, интернет. Канал коммуникации не безразличен к дискурсивному вкладу носителей языка и является одним из оснований для возможных разделений субстанции дискурса (устный, письменный, интернет-дискурс).

К коммуникационному обеспечению следует отнести и сам код-язык, ибо, в самом объемлющем плане, материальную субстанцию дискурса составляют разные языки. Языковая концептуализация, в которой воплощаются национальный менталитет и картина мира, служит основанием для деления дискурса по национальному признаку (ср. русский дискурс). По отношению к дискурсу перевод может рассматриваться как дискурсивный процесс, благодаря которому частично устраняются границы национальных дискурсов и определяются приоритеты дискурса «всемирного» – прежде всего это священные тексты.

С коммуникационным обеспечением связаны способы хранения дискурса. С одной стороны, это память как важнейшая когнитивная способность человека, с другой – это такие, представленные в истории цивилизации «хранилища дискурса», как папирус, глина, береста, бумага, различные электронные средства. Сохранность в дискурсе – это и возможность удержания в нем «инвестиционных вкладов», и возможность «отложенного» поступления в дискурс.

⁵ О различении говорящего и субъекта дискурса см. Серио П. В поисках четвертой парадигмы. //Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Харьков, 1993; Он же. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

⁶ Убедительные доказательства такого понимания содержатся в исследованиях по языковой личности детей в возрасте 9-16 лет, ср.: Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психологический и лингвистический аспекты. Саратов, 1999.

3. *Дискурсивные формации (разновидности дискурса)*. Дискурсивные формации образуются на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса. К коммуникативной составляющей относятся возможные позиции и роли, которые предоставляются в дискурсе носителям языка – языковым личностям. К когнитивной составляющей относится знание, содержащееся в дискурсивном сообщении. Дискурсивные формации переплетаются между собой, частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам, по используемым жанрам. Для дискурса релевантным является принцип «семейного сходства».

4. *Интертекстуальное взаимодействие*. Понятие интертекстуальности, несовместимое со структурной парадигмой, находит адекватное место в лингвистике дискурса. Интертекстуальность входит в онтологию дискурса, обеспечивая устойчивость и взаимопроницаемость дискурсивных формаций. Устойчивость, воспроизводимость и продвижение во времени дискурсивной формации создается благодаря собственно языковым интертекстам. Все виды интертекстов (авторские и неавторские, собственно языковые, литературные и нелитературные) участвуют в дискурсивных процессах деривации и обоюдного заимствования. Дискурсивные формации различаются по степени проявления способности быть интертекстуальным донором либо восприимчиком интертекстуального вложения.

Заслуга М. Фуко состояла в том, что он сумел перешагнуть через «данные в ощущении» всегда конечные формы вербальной деятельности – будь то устный разговор, текст, произведение одного или многих авторов, относящиеся к тому же к разным историческим эпохам, – позволил представить их вместе и посмотреть на те общности, которые в этом динамическом, постоянно изменяющемся пространстве реально выделяются. Вопрос о разновидностях дискурса для М. Фуко – это был наипервейший вопрос о способе бытования, о метафизике дискурса. Он искал эти способы, исследуя историю дискурсов безумия и сексуальности, медицинского дискурса, он искал дискурсивные закономерности, выделяя единицу дискурса – высказывание, и предложил для него для нее очень глубокое, отличное от лингвистического определение: «разновидность существования, присущего данной совокупности знаков»⁷, «атом дискурса»⁸; он исследовал формацию объектов, формацию модальностей, формацию стратегий и установление концептов. И все это его не удовлетворяло, включая и выделение дискурсов, исходя из «тем» («Не было ли это всё лишь рядом «связанных вымыслов?»») ⁹. Ему хотелось, очевидно, показать дискурсивное бытие как стихийный объективированный продукт, в котором из порядка возникает хаос и из хаоса – порядок. Отсюда возникает «правило внешнего»: идти не от дискурса к его внутреннему и скрытому языку, к некоей сердцевине мысли или значения, якобы в нем проявляющихся, но, беря за исходную точку сам дискурс, его появление и его регулярность, идти к внешним условиям его возможности, к тому, что дает место для случайной серии этих

⁷ Фуко М. Археология знания. С.108.

⁸ Там же. С.82.

⁹ Там же. С.47.

событий, что фиксирует их границы»¹⁰. Отсюда рождаются процедуры контроля над производством дискурса, «беспорядочного и губительного»¹¹, которые М. Фуко разделял на внешние и внутренние. Внешними являются «процедуры исключения» – «табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта»¹², и процедуры «разделения и отбрасывания»¹³, основанные на «воле к истине», которая вводит в дискурс исторически детерминированную оппозицию истинного-ложного. Внутренние процедуры – это принцип забвения («дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны»¹⁴), принцип комментария (они «сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказанными»¹⁵), принцип дисциплины («дисциплина определяется областью объектов, совокупностью методов и корпусом положений, которые признаются истинными, равно как и действием правил и определений, техник и инструментов»¹⁶), принцип «прореживания говорящих субъектов: в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права»,¹⁷ принцип доктрины («доктрина связывает индивидов с некоторыми вполне определенными типами высказываний и тем самым накладывает запрет на все остальные... она пользуется некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивидов между собой и тем самым отличать их от всех остальных»¹⁸) и принцип автора (имя автора «обнаруживает событие некоторого ансамбля дискурсов и отсылает к статусу этого дискурса внутри некоторого общества и некоторой культуры»¹⁹). Выдвинутые М. Фуко процедуры разделения дискурсов поражают своей пронизательностью, но своей цели они не достигают. Дело в том, что параллельно М. Фуко пользуется такими квалификациями, как критический, религиозный, юридический, экономический, политический дискурсы, которые апеллируют к формациям тем и объектов и существуют как пред-данные, подобно естественным родам в их классическом понимании²⁰, для которых, собственно говоря, никаких процедур не требуется. Одновременно все процедуры Фуко так иначе связаны с человеческими установлениями и теми самыми «антропологическими концептами» (субъект, автор, индивид), которые он же сам называл «мало осмысленными общностями»²¹. Таким образом, по одной логике дискурсивные

¹⁰ Фуко М. Порядок дискурса. С.0.

¹¹ Там же. С.78.

¹² Там же. С.51.

¹³ Там же. С.52.

¹⁴ Там же. С.60.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С.65.

¹⁷ Там же. С.69.

¹⁸ Там же. С.74.

¹⁹ Мишель Фуко. Что такое автор? // Воля к истине. С.22.

²⁰ О трактовке естественных родов в разных научных парадигмах см. Лаккофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004., Часть 11 «Философские следствия».

²¹ Мишель Фуко. Археология знания. С.32.

формации объективны и не зависят от человека, а по другой – они создаются социумом и контролируются им. Легко видеть, что процедуры М. Фуко, определяющие «порядок дискурса», так или иначе связаны с актом коммуникации и ставят во главу угла либо канал коммуникации, либо отправителя, либо внеязыковой мир, либо способ построения сообщения. Это отчасти соответствует сочетаемости слова «дискурс», ср. *письменный – устный дискурс, дискурс политика, дискурс о власти, о любви, экономический, медицинский дискурс*. Уже на этом этапе фиксируется неизбежность пересечения дискурсивных формаций, ибо сходство по любой из составляющих акта коммуникации ведет к такому типу дискурсивного сообщества, который уже не будет соответствовать прототипическому образцу. Не менее существенно то, что внутренние процедуры М. Фуко выделяют те разновидности дискурса, которые – по видимости, по другим критериям – выделяют и в функциональной лингвистике²². В самом деле, принцип забвения связан прежде всего с устным каналом коммуникации, то есть с разговорной речью, принцип автора – с художественной речью, принцип дисциплины – с научным стилем, принцип селективного субъекта – с официально-деловым стилем. А между тем М. Фуко собственно языковые характеристики дискурсивных формаций не только игнорировал, но ещё и подчеркивал, что «отношения в дискурсе характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых он разворачивается, а самый дискурс, понятый как чистая практика»²³. И это при том, что языковая дифференциация в дискурсе прослеживается едва ли не на всем протяжении исторического существования национальных языков. Показателен в этой связи ход рассуждений В. М. Живова о русской языковой ситуации XVII века. В. М. Живов разделяет разновидности дискурса, используя понятие регистра («тексты, объединенные сходным коммуникативным заданием и общими социальными и культурно-историческими условиями бытования»²⁴), каждый из которых характеризуется определенной конфигурацией морфологических вариантов. И дальше В. М. Живов пишет, что разделение по регистрам соответствует до определенной степени разделению по функциональным стилям в современном языке (при том весьма существенном отличии, что отсутствовала единая языковая норма). Состав регистров, естественно, отличается от дискурсивных формаций современного языка, но показательно, что по языковому критерию разделяются «бытовой не книжный язык»²⁵, то есть, собственно говоря, разговорная речь, «деловой не книжный (приказной) язык», сопоставимый с тем, что в современной стилистике обозначается как «административно-канцелярский,

²² Об экстралингвистических и собственно языковых критериях разграничения типов речевой деятельности см. Ревзина О.Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М., 1981.

²³ Фуко М. Археология знания. С.47.

²⁴ Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. М., 2004. С. 528.

²⁵ Там же. С.528. О регистрах в письменном языке средневековой Руси см. также: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

или производственный подстиль»²⁶, «гибридный книжный язык» представленный в нарративных текстах – в историческом и далее в художественном нарративе²⁷, наконец, центральный для культуры этого времени «стандартный книжный язык» – язык церковных памятников и богословского дискурса.

М. Фуко не задавался вопросом, почему дискурсивные формации различаются по языку, несмотря на то, определение дискурса построил именно на вербальном аспекте. Но он не задавался также и другими «детскими» вопросами: почему вообще существует дискурс, то есть почему принцип забвения не является универсальным и почему дискурсивные формации *вообще* различаются между собой. Вернее, этот последний вопрос был отрефлектирован им в психоаналитической плоскости: контроль над дискурсом устанавливается для того, «чтобы хоть частично овладеть стремительным разрастанием дискурса, чтобы его изобилие было избавлено от своей наиболее опасной части и чтобы его беспорядок был организован в соответствии с фигурами, позволяющими избежать чего-то самого неконтролируемого»²⁸. «Почему»-вопросы имеют отношение к онтологии дискурса – к способу его бытия, и они должны решаться в комплексе, в том концептуальном поле, где соединяются когнитивистика и прагматика.

Спецификация знания в дискурсе

В некоем мысленном измерении все знания, представленные в дискурсе, могут рассматриваться просто как информация, то есть являются равноценными. Однако дискурсивные формации представляют их как различные. Здесь хочется вспомнить размышления знаменитого английского историка Арнольда Тойнби. Обозревая свой жизненный путь, Тойнби описывает сформировавшийся у него комплекс «вечного экзаменуемого» – «дурной привычки накапливать знания для того, чтобы выдержать экзамен, а не для того, чтобы их использовать»²⁹. А. Тойнби сообщает о найденном им способе «исключить бесконечность»: «Вместо того, чтобы продолжать до бесконечности приобретать знания, я начал что-то делать с теми знаниями, которыми уже обладал, и это активное применение знаний указывало новые направления, по которым надлежало двигаться для приобретения знаний <...> Я ограничу бесконечность тем, что буду направлять приобретенные знания на то, чего требует действие»³⁰. Иначе говоря, знания различаются прагматической пригодностью, и способы концептуализации и оязыковления знаний в дискурсе находятся в связи с этим прагматическим критерием. Назначение дискурса состоит в том, чтобы – в соответствии с общим определением когнитивистики – сделать возможным процессы приобретения, хранения, преобразования, порождения и

²⁶ Стилистика и литературное редактирование. Под ред. проф. В.И. Максимова. М., 2004. С.87.

²⁷ О сходстве и различии исторической и художественной наррации см.: Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

²⁸ Фуко М. Порядок дискурса. С.78.

²⁹ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С.93.

³⁰ Там же. С.94.

применения человеком знаний. Дискурсивные формации осуществляют спецификацию разных видов знаний через разное вербальное воплощение. Спецификацию знаний – это спецификация для прагматического использования. В когнитивно-прагматическом аспекте дискурс характеризуется следующими чертами:

1. Дискурс как информационная структура представляет собой хранилище разных видов знаний. Дискурсивные формации представляют собой спецификацию знаний для их применения.

2. Атомарное знание, данное на уровне высказывания, не является дискурсивно специфицированным. Спецификация возникает на уровне дискурсивной формации.

3. Дискурсивная формация представляет собой модель вербального обмена и формируется вместе с привилегированными для нее значениями составляющих акта коммуникации. Знание антропологично.

4. Дискурсивные формации имеют историю, режим преобразований, который становится основанием внутреннего времени в дискурсе.

Какое же знание специфицируется в дискурсе? Прежде всего, это значимые для социума коммуникативные ситуации. М. Фуко совершенно справедливо писал о том, что «само высказывание не может быть сведено к чистому событию акта высказывания»³¹ и, таким образом, оязыковленные акты коммуникации вступают в дискурс вне их физических носителей и вне имевшей место единичной референциальной соотнесенности. Иначе говоря, в дискурсе выделяются позиции для субъектов, которые могут быть заполнены разными индивидами, а также «совокупности областей, в которых могут возникать данные объекты и устанавливаться данные отношения»³². Однако он совершенно отвлеклся от того факта, что единственной возможностью распознать разные коммуникативные ситуации для пользователя является сам язык, то есть способ репрезентации субъекта, адресата, «формации объектов», по которым различаются разные дискурсивные формации. Все вместе это называется стилем, и стилиевая дифференциация дискурса имеет, таким образом, имеет вполне очевидную прагматику. Один набор языковых репрезентантов представлен для субъекта и адресата в научном дискурсе и совершенно иной – в официально-деловом, в равной степени эти дискурсы различаются допустимым объемом информации о субъекте и адресате, и для пользователя дискурса это не только возможность распознавания типа вербального обмена, но и возможность собственного участия в той или иной дискурсивной формации. Особенно наглядно значение языковой концептуализации проявляется в том, что обозначается как тема и куда входят и «совокупности объектов» и связанные с ними пропозиции. Известно, что тема любого дискурса (равно как и функционального стиля) с большим трудом поддается точной формулировке – нет удовлетворительных решений, но нет и операциональных процедур для выделения темы. У М. Фуко (не на уровне рассуждений, но фактически) предлагается как некая аксиоматически заданная «исходная материя» – экономика, медицина, политика и пр. Ю. А. Сорокин при определении политического дискурса руково-

³¹ Фуко М. Археология знания. С. 96.

³² Фуко М. Археология знания. С.92.

дствуется соотношением качественно охарактеризованных рода и вида: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен. Первый вид – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс»³³. Французский исследователь Реймон Арон называет определение истории «самой неблагодарной темой» и квалифицирует исторический дискурс следующим образом: «Дискурс историка состоит из предложений, повествующих о событиях и их взаимосвязи. Поскольку этот дискурс постепенно становится *рассказом*, он не должен походить на речь детей»³⁴. Собственно лингвистический подход кажется более многообещающим: «...существуют семантические макроструктуры и процедуры их выделения, раз мы можем интуитивно свести содержание рассказа к одному предложению. Тему дискурса и надо понимать как выражение семантической макроструктуры данного дискурса».³⁵ Однако выделение семантических макроструктур наталкивается на не меньшие сложности, чем определение темы.

Такое положение, конечно, не является случайным, и дело здесь, возможно в том, что тема – это вид номинации, а сам объект названия превышает информационную емкость отдельного языкового знака и требует договоренности относительно метаязыка. Материализованные в первичных и вторичных речевых жанрах, дискурсивные формации не содержат определения собственной темы, а пользователи не нуждаются в ней. Они получают нечто иное: растворенную в сообщении тему – специфицированный языковой образ знания, цельность которого подтверждена стилистически и которое таким образом направлено к своему адресату. Это наглядно видно при сравнении научного и повседневного дискурса: одни и те же реалии (например, относящиеся к болезням, погоде, торговле) именуется в этих дискурсах совершенно по-разному, тем самым и указывая участникам дискурсивного существования способ речевого поведения в избираемых ими коммуникативных ситуациях.

В свое время Жерар Женнет, отнеся стиль к уровню коннотации, объявил существование стиля неотъемлемой чертой дискурса: «...не бывает дискурса без стиля, равно как и стиля без дискурса: каков бы ни был дискурс, стиль является его аспектом, а отсутствие аспекта – понятие явно бессмысленное»³⁶. Действительно, языковой знак устроен так, что он предусматривает хранение и передачу информации сразу на двух уровнях денотативном и коннотативном³⁷. Однако назначение коннотативного канала и стиля в рамках структурного подхода к языку остается необъяснимым. Когнитивно-

³³ Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. М., 1997. С.57.

³⁴ Реймон А. Избранное: измерения исторического сознания. М., 2004. С.261.

³⁵ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. С.140.

³⁶ Женетт Ж. Фигуры. Том 2. М., 1998. С.438.

³⁷ Об этом см. Ревзина О.Г. О понятии коннотации. // Языковая система во времени и пространстве. М., 2001.

прагматический подход к дискурсивным формациям позволяет представить стиль как чисто языковой способ их структуризации и разграничения.

Состав дискурсивных формаций неразрывно связан с исторической эпохой, социальными и культурными потребностями и устремлениями производителей и пользователей дискурса. Показателен, например, заявленный в преддверии первой мировой войны пафос слияния религиозного и научного дискурсов в единое эзотерическое знание³⁸. М. Фуко стремился выявить процедуры рассеивания дискурса, оставаясь, как он писал, «в поле внешнего»³⁹. Спецификация знаний в дискурсе позволяет говорить о разных типах знания: частное, духовно-религиозное, социальное, научно-культурологическое. Эти основополагающие типа знания соответствуют разным «я», с которыми связывается человеческое и языковое существование: «Я» как физическое лицо, имеющее опыт тела, «Я» в духовной устремленности к Творцу, «Я» в составе социума. Ещё один тип знания не соответствует ни одной из предложенных ролей и помещает «я» в мир воображения – в художественный мир, имеющий собственно вербальный статус существования. Отметим, что исследовательская мысль М. Фуко двигалась в разных направлениях и при желании у него можно найти подкрепление и высказанной точки зрения: он пишет о том, «что мы являемся различием, что наш разум – это различие дискурсов, наша история – различие времен, наше Я – различие масок»⁴⁰.

Текущие и подвижные, дискурсивные формации сохраняют тем не менее характерные черты, проходящие сквозь время. Дискурс, выражающий религиозное сознание, сочетает в себе воспроизводимость и способность быть интертекстуальным донором. Напротив, знание, связанное с «Я» как частным лицом, рассчитано на интертекстуальное распространение (через цитирование, пересказ, представление в форме слухов, сплетен и пр.) прежде всего внутри того же повседневного дискурса. Повседневный дискурс – едва ли не единственный, где не действует принцип «прореживания говорящих субъектов». Частное знание поступает в режиме реального времени и порционно, информационно-прагматическая ценность этих порций высока, но в повседневной жизни она в стереотипных ситуациях погашается немедленным действием, в чем, собственно, и проявляется принцип забвения – «дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны»⁴¹. Временный, всегда настроенный на новые поступления, образ частного знания как нельзя лучше воплощается в его языке, который в некоторых отношениях можно уподобить устной стенографии, как об этом свидетельствуют многочисленные исследования разговорной речи⁴². Частное знание – мощный экспериментальный полигон, в нем непосредственно воздействован опыт тела и чувственный опыт, получаемый за счет когнитивных способностей ощущения и восприятия, кото-

³⁸ См. Шторх Эдуард. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914.

³⁹ Фуко М. Археология знания. С.46.

⁴⁰ Фуко М. Археология знания. С.132.

⁴¹ Фуко М. Порядок дискурса. С.60.

⁴² Ср. первое полное описание языка повседневного дискурса в известной коллективной монографии: Русская разговорная речь. М., 1973.

рый кладется в основу «народной» теории референции и истины («слова способны соответствовать миру благодаря внутренне присущему им значению»⁴³. Частное знание – это и полигон естественной реализации коммуникативных стратегий и тактик⁴⁴, присутствующих уже в первичных речевых жанрах и транслируемых в другие дискурсы. Вскрытая М. М. Бахтиным жанровая интертекстуальность⁴⁵ наглядно демонстрирует взаимосвязанность дискурсивных формаций и вместе с тем позволяет показать, что присущая им спецификация речевых жанров связана с параметром «применение знаний». Так, речевой акт клятвы в составе частного знания (бытовая клятва) имеет область применения, неравновесную с теми санкциями, которые связываются с различными видами социальных и профессиональных клятв. И их материальность имеет разный срок длительности: «исчезая» вместе с произнесением, бытовая клятва начинает существовать в необязательном режиме памяти, отличном от «бумажного» или любого иного материального носителя социальной клятвы. Отметим, наконец, что повседневное общение предоставляет говорящему возможность максимально реализовать свою индивидуальность через язык – вне заботы об исторической сохранности того, что могло бы стать чуть ли не единственным свидетельством существования человека на земле⁴⁶.

Становление дискурсов, связанных с «Я» как социальным лицом, характеризуется национальной и культурной специфичностью. Социальное знание характеризуется прерывностью поступления, имеет специфическую интертекстуальность и область применения в сфере практического действия. Дифференциация социального знания в значительной степени определяется семантическим заполнением принципа селективности субъекта. В дискурс власти (государственный дискурс) вовлечен принцип доктрины (религиозной, политической) – идеологической формации⁴⁷. В научном дискурсе принцип селективности прочитывается как обладание профессиональным знанием: «В обществе

⁴³ Джордж Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. С.169.

⁴⁴ См.: Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.

⁴⁵ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

⁴⁶ Уникальным примером в этом отношении может служить дискурс безграмотных жителей окситанской деревни Монтайю, воспроизведенный в записях инквизитора Жака Фурнье, будущего третьего авиньонского папы Бенедикта XII (См.: Эмманюэль Ле Руа Ладюри. Монтайю. Окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. В одной из самых впечатляющих исторических исследований жители деревни – через дискурс – предстают во всей их неповторимости, и особенно выделяется пастух Пьер Мори, с его «красотой души» (С.208), с его кроткой, интеллигентной натурой.

⁴⁷ Ср. работы Патрика Серию о советском дискурсе: «О языке власти: критический анализ» и «Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций» в сборниках, указанных в сноске 5; см. также: Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1999.

существует некоторая группа людей, которые имеют право определять, что слово должно обозначать применительно к некоторой области специальных знаний»⁴⁸. Будучи пронизанным «волей к истине», которая, по Фуко, «прошла через столько веков нашей истории»⁴⁹, научный дискурс и по сей день в своем языковом воплощении сохраняет черты оберегаемого, недоступного простому смертному знания, потенциально наделенного «грозной властью» и способного вызвать как «величайший восторг», так и «величайший ужас» (определения Фуко): непрозрачная терминология, элиминирующий субъекта синтаксис, тяготение к непроницаемости, роль интертекстуального донора.

М. Фуко не выделял в качестве самостоятельного образования публицистический дискурс, возможно, относя его к тем областям, «которые кажутся открытыми почти что всем ветрам и предоставленными, без какого бы то ни было предварительного ограничения, в распоряжение любого говорящего субъекта»⁵⁰. Между тем именно этому дискурсу, в котором субъекту приписывается наиболее эластичная социальная роль – выражать, в той или иной мере, интересы социума, которому он принадлежит, принадлежит в современном мире доминантная роль. Публицистический дискурс характеризуется максимальной интертекстуальной проницаемостью и изменчивостью, и особый интерес этой дискурсивной формации состоит в том, что в ней знание структурируется как предназначенное для использования знания для современников и как освобожденное от прагматики знания для истории. Так, в имеющем многовековую традицию газетном дискурсе заголовочный словарь-тезаурус концептуализирует события большой длительности или структуры (если пользоваться разграничением, принятым во французской исторической школе), а разведение событий и конъюнктур (событий средней длительности) происходит на уровне газетных жанров.

Отдельно следует охарактеризовать тот дискурс, который Фуко связывает с принципом автора. Известно, что принцип автора анализировался Фуко очень детально, с учетом специфики имени собственного, истории функции «автор», значения режима собственности, перемещения функции «автор» из научного дискурса в художественный. Имя автора, утверждает М. Фуко, функционирует, чтобы охарактеризовать определенный способ бытования дискурса – «не обыденная безразличная речь, не речь, которая уходит, плывет и проходит, не речь, немедленно потребляемая, <...> тут говорится о речи, которая должна приниматься вполне определенным образом и должна получать в данной культуре определенный статус»⁵¹. Но каким именно образом должна приниматься художественная речь и почему именно ей приписывается культурный статус – эти вопросы у М. Фуко остаются без ответа. Какова же прагматика художественного дискурса и какова специализация знания в этом дискурсе? Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что художественный дискурс с точки зрения языкового воплощения может быть каким угодно – стихотворным и прозаическим, классическим и авангардным, эстетически

⁴⁸ Джордж Лакофф. Цит. соч. С.170.

⁴⁹ Фуко М. Порядок дискурса. С. 55

⁵⁰ Там же. С.69-70.

⁵¹ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине. С.21.

привлекательным и находящимся вне возможности эстетической оценки. Это, с одной стороны, обеспечивает доступ к нему самых разных производителей и потребителей, а с другой – именно этой своей чертой специфицирует то знание, которое он представляет. Знание в художественном дискурсе определяют исходя из понятия вымысла: в прозе представлен вымысел, поскольку «фраза, взятая из романа, – хотя она и описывает некоторое событие – не является ни истинной, ни ложной», по отношению к поэзии снимается само противопоставление «реальное – вымышленное», коль скоро поэзия ни о чем не повествует, не указывает ни на какое событие, ограничиваясь чаще всего тем, что запечатлевает известное размышление или впечатление»⁵². Таким образом, в художественном дискурсе представлено знание, которое не может иметь какого-либо практического применения. Именно «бескорыстность», «незаинтересованность» лежат (по Канту) в основе эстетических суждений вкуса, а в лингвистике и семиотике элиминация «референтивной» функции позволила выделить поэтическую, или эстетическую функцию языка («направленность <...> на сообщение как таковое»⁵³). Фактически же прагматическое использование художественного дискурса может быть бесконечно разнообразно: ритуал, государственный заказ, педагогическое внушение, эстетическое наслаждение, развлечение и пр. Иначе говоря, между языковой концептуализацией и прагматикой есть, как будто, соответствие: и там и здесь – область свободы. И все же предьявленная прагматика выглядит «человеческой, слишком человеческой»⁵⁴ а живучесть художественного дискурса (во всем многообразии его исторических модификаций) заставляет думать о некоей сверхпрагматике. Не претендуя на «последнюю правду», кажется возможным соположить следующие факторы: особый «культурный статус» художественного дискурса, на который указывает М. Фуко, и тот факт, что создатель художественного текста и художественного мира называется высоким словом «творец»⁵⁵ то есть так же, как и «верховное существо, создавшее мир и управляющее им: бог»⁵⁶. В самом широком смысле слова культура – это то, что отличает именно человека, как *homo sapiens*. Но ничто в культуре не претендует на вторичное сотворение мира. Подобной прерогативой располагает только художественный дискурс, причем с помощью именно того средства, который (в его полноценном виде) дан только человеку. Таким образом, «сверхпрагматика» художественного дискурса, возможно, состоит в подтверждении идентификации человека как творца, который – искушаемый дьяволом или благословляемый Богом, мог бы мыслить о себе, как Мандельштам: «И я когда-нибудь прекрасное создам...»

⁵² Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. Антология. М., 2001. С.380. Ср. также: «В своем поэтическом качестве поэтический язык не имеет референции, он референциален лишь в той степени, в которой он непоэтичен. А это значит, что к искусству как к таковому неприменимы понятия Истины и Лжи...» (Дюбуа Ж и др. Общая риторика. М., 1983. С.46).

⁵³ Якобсон Роман. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С.202.

⁵⁴ Словарь русского языка. В четырех томах. М., 1984. Том IV.

Так как же переплетаются в дискурсе “объективное” и “субъективное” (человеческое) начала? Процедуры М. Фуко действуют объективно, но они насквозь прагматичны, то есть исходят от человека. Антропный принцип в физике гласит: вселенная построена согласно с человеческим фактором. «Вселенная» дискурса существует в соответствии с антропным принципом.